

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Жан-Батист Пара: «Я стараюсь бороться с русофобией» | Jean-Baptiste Para: «J'essaie de lutter contre la russophobie»

Auteur: Заррина Салимова, [Лозанна](#) , 01.05.2019.

Жан-Батист Пара после лекции, состоявшейся 13 апреля в Историческом музее Лозанны © Nashagazeta.ch

Наш сегодняшний гость – поэт, критик, главный редактор литературного журнала «Европа» и переводчик с итальянского и русского языков. Май и июнь он проведет в писательской резиденции в Замке Лавиньи, где будет переводить стихи Владимира Маяковского и Бориса Рыжего.

|

Notre invité d'aujourd'hui est poète, critique d'art, rédacteur en chef de la revue Europe et

traducteur de l'italien et du russe. En mai et juin, il résidera au château de Lavigny et s'occupera de traduire des poèmes de Vladimir Maïakovski et de Boris Ryžij.

Jean-Baptiste Para: «J'essaie de lutter contre la russophobie»

Жан-Батист Пара родился в 1956 году в Париже. С детства, путешествуя из родного города к родственникам в Пьемонт, он был погружен в многоязычную среду и впитывал лингвистические особенности разных регионов. Наверное, это во многом определило его будущую профессию: свою жизнь Жан-Батист связал с языками, став поэтом и переводчиком. За свой сборник стихов *La Faim des ombres* он был удостоен премии имени Гийома Аполлинера, а его переводы с итальянского и русского языков принесли ему множество других литературных наград. Благодаря Пара, франкоязычные читатели открыли для себя многих русских поэтов, в том числе Николая Заболоцкого, Анастасию Харитонову, Веру Павлову, Янку Дягилеву. В рамках программы имени Жильбера Мюзи он проведет два месяца в писательской резиденции в Замке Лавиньи. Мы побеседовали с господином Пара о том, за что он любит россиян и почему считает Россию «родиной сердца».

Наша Газета: Вы сказали, что выучили русский язык самостоятельно. Наверное, это заняло много времени?

Да, много – учить склонения, глаголы, делать упражнения. Параллельно я читал стихотворения на русском и их переводы и постепенно смог понять, как функционирует язык. Но мне не хватало, и все еще не хватает, словарного запаса, хотя слова можно всегда посмотреть в словаре. Я также часто ездил в Россию – по следам поэтов. Побывал, например, в Астрахани, где жил Велимир Хлебников, и добрался до Комсомольска-на-Амуре, куда был сослан Николай Заболоцкий. Меня поразили пейзажи России, и я всегда очень хорошо себя чувствую рядом с россиянами, слушая их разговоры в поездах или маршрутках. Это родина, которую я выбрал сердцем.

В одном из интервью Вы отметили, что захотели выучить русский, чтобы иметь возможность читать русскую литературу на языке оригинала.

Да. Ранее я, конечно, читал русскую классику, но плохо знал историю страны. Когда рухнул Советский Союз, у меня было ощущение, как будто умер какой-то не очень близкий, но и не очень далекий член семьи. Вы его не очень часто видели, пока он был жив, и вдруг, когда он умер, вы поняли, что не ожидали, какое большое значение это будет иметь для вас.

Но ведь рухнул СССР, Россия осталась.

Конечно, но я наблюдал за этим отсюда, а не из России, и понял, что никто не будет интересоваться Россией, и почувствовал, что враждебность, которую испытывали в отношении СССР, обернется затем против России. Именно это и произошло. Я захотел попытаться понять и полюбить Россию, потому что считаю, что французы очень плохо понимают Россию, не знают ее историю, а чтобы понять Россию, нужно вернуться на несколько столетий назад и узнать, что происходило ранее, в Средневековье. Россия одновременно кажется близкой и непохожей. У нас ведь была совсем другая история. Например, в Западной Европе был Ренессанс – период, который принес важные изменения, когда формировались понятия субъекта, индивидуума, гражданина. А в России было иначе. Не лучше и не хуже, а по-другому.

Только когда мы начнем понимать друг друга, мы сможем лучше разговаривать.

Поэтому Вы говорите, что перевод - это форма гостеприимства?

Да. Я думаю, что русская литература – это сокровище для всего человечества, как и все великие литературы. Есть один момент, который меня особенно трогает в России: поэзия, по меньшей мере, начиная с Пушкина, имеет огромное значение в сердцах многих россиян. Тогда как на Западе поэзия – это что-то забытое сегодня до такой степени, что, из опасения показаться смешным, не решаешься сказать, что ты поэт.

Тот образ России, который Вы себе создали, читая русскую литературу, совпал с тем, что Вы увидели?

Литературный образ охватывает долгий период времени в несколько веков, хотя и сейчас можно провести некоторые параллели с тем, что происходило ранее. А Россия, которую я вижу сегодня, это страна в настоящий момент времени. Первый раз я был в СССР в эпоху Горбачева, во время перестройки, потом я приехал, когда у власти был Ельцин, и приезжал позже. Естественно, мои впечатления очень разнятся в зависимости от того, еду ли я в Москву, Санкт-Петербург, другой большой город или глубинку, например, в Сибирь. Там все по-другому, потому что изменения происходят медленнее, и мне кажется, что я путешествую не только в пространстве, но и во времени.

Как, на Ваш взгляд, менялась Россия при Горбачева и Путине?

Это только моя точка зрения, на истину я не претендую и могу сказать только то, что сам почувствовал. К тому же я иностранец, не нахожусь в условиях повседневной жизни, и мой взгляд может быть искаженным. При Горбачеве было много положительных социальных моментов, достигнутых при СССР. Образование, здравоохранение и прочее – это было все-таки неплохо. Была также удивительная страсть к чтению: люди много читали, а сегодня они почти не читают, по крайней мере, не больше, чем у нас, и это ужасно. Если посмотреть на тиражи литературных журналов в советское время и сейчас, то можно увидеть огромную разницу. При Ельцине была полная катастрофа. Я бывал в Санкт-Петербурге, других местах и повсюду видел церкви сайентологов, американской секты. Потом Путин их выпроводил и правильно сделал. Я не оцениваю Путина, я только говорю об изменениях, которые я заметил. Мне показалось, что при Путине россияне снова обрели гордость. Когда я был в Нарыме, например, то люди мне рассказывали, что скучали по советскому времени, потому что тогда их страну уважал весь мир. Она была знаменита своей наукой и культурой, и к ним не относились как непонятно к кому. Сейчас они снова обрели это ощущение. Нельзя, чтобы народ чувствовал себя униженным, это очень опасно. При Ельцине также в больших городах было много нищеты. Мне кажется, сейчас ситуация улучшилась.

Я думаю, что Запад, в частности, Франция, ведет странную политику по отношению к России. Возникает впечатление, что моральные нормы применяются только к России, но не действуют, например, в отношении Саудовской Аравии или других стран. Как будто есть нормы для каждой страны, и самые строгие правила применяются для России. Я стараюсь бороться с русофобией. Я не по этой причине перевожу русских поэтов, но, тем не менее, когда вы хорошо знаете страну, в том числе ее плохие стороны, историю, людей, вы не выносите, когда из нее делают карикатуру. Просто потому, что вы хотя бы немного заботитесь о честности. Конечно, я не приветствую

все, что делает российское правительство, и никогда не путаю власть со страной и ее народом. Господин Макрон и французы, например, это не одно то же. Можно любить страну, смотреть на вещи реально, но не выносить, когда ее представляют в карикатурном виде.

А что Вам нравится больше всего в путешествиях по Сибири?

Бывают парадоксальные вещи. Например, я заметил, что сибиряки, в целом, очень любят природу. Это нам кажется, что в Сибири суровые климатические условия, а им там хорошо – они ходят на рыбалку, охоту, живут в гармонии. Но при этом они невероятно противоречивы, потому что если они идут на пикник, то оставляют все бумажки на земле. Иногда мне трудно понять, как можно быть одновременно настолько разными. Тем не менее, для меня общение с россиянами всегда складывалось просто. Они приветливы, и я заметил, что их трогает, когда кто-то, приехавший издалека, выражает интерес к их стране – они очень чувствительны к этому. И они никогда не делают рекламу своей стране, что я ценю. Они сдержанны, но когда видят внимательное и доброжелательное отношение, то примут вас с радостью. Я очень хорошо себя чувствую рядом с ними.

Однажды я был в одной очень маленькой деревне, которая называется Нарым. Я добрался до нее по реке из Томска, потому что дороги туда нет. В Нарым ссылали людей еще во времена царской России, и даже Сталин отбывал там ссылку. В деревне есть небольшой музей политической ссылки, куда я и приехал одним воскресным днем. Я шел по деревенской земляной улице и не видел вокруг ни одного человека, только лошадей. Никого нет, одни лошади, как странно. Я прошел вперед по этой улице и увидел ограждение. Жители выпустили лошадей, устроили праздник, установили сцену, с которой читали стихи, поставили столы с бутылками и пирогами. Когда они увидели меня, то спросили, откуда я пришел. Я ответил, что из Парижа (смеется). Мы были буквально где-то на конце света, и это было прекрасно. Для меня это был момент большого счастья – быть рядом с этими людьми.

Вернемся к поэзии. Переводы русских поэтов популярны сейчас во Франции?

И да, и нет. Мандельштама, Ахматова, Цветаеву знают, но есть другие менее известные поэты, такие как Велимир Хлебников или Николай Заболоцкий, которых я переводил. Нужно понимать, что поэзией во Франции, к несчастью, интересуется ограниченный круг людей. Читая газеты, можно подумать, что поэзии у нас вообще нет – об этом почти не пишут. Это грустно, потому что сейчас, со всеми средствами, которые есть в нашем распоряжении, мы могли бы значительно увеличить круг читателей поэзии. Я часто рассказываю, что фундаментальный для всей французской поэзии XX века сборник «Алкоголи» был опубликован Аполлинером в 1913 году тиражом 300 экземпляров. А сейчас их миллионы. Просто нужно время! Разница в том, что если вы сегодня говорите во Франции, что вы поэт и опубликовали книгу тиражом 300 экземпляров, то вам скажут, что это ничто и просто смешно. А в 1913-м никто не считал, что Аполлинер смешон. Важнее было другое: стоящие стихи или нет, приносят ли они что-то новое. Раньше судили о самом произведении, а не о его медийном успехе. Сегодня же тот, кто не пользуется популярностью, не воспринимается всерьез. Часто в науке и искусстве фундаментальные вещи становятся популярными со временем.

Меня также беспокоит обучение русскому, да и другим иностранным языкам, во Франции. Здесь есть большая проблема: доминирует английский, потом испанский,

но русского очень мало. Очень жаль, потому что обучение языкам во всем их разнообразии способствует лучшему пониманию между народами. К тому же на Западе распространен утилитарный подход (я люблю Россию еще и потому, что для нее важны не только практичность и материальная польза). У нас язык рассматривают как средство коммуникации, но при этом забывают, что язык – это еще и культура, литературные произведения. На английском часто говорят о повседневных банальностях или бизнесе. Если свести нашу жизнь к этому, то мы откажемся от значительной части человеческой культуры.

Чему Вы посвятите время в Замке Лавиньи?

Переводам Владимира Маяковского и Бориса Рыжего. «Стихи для детей» Маяковского меня попросил перевести редактор, так как планируется издать книгу. А о Борисе Рыжем я узнал из документального фильма, снятого голландской женщиной-режиссером. Бориса Рыжего знают в Голландии, потому что он был приглашен однажды на фестиваль поэзии в Роттердаме. После того, как он покончил с собой, одна кинематографистка отправилась в Екатеринбург, чтобы найти информацию о нем. Борис Рыжий принадлежал поколению, которое окончило школу в год, когда рухнул Советский Союз. В нормальное время, получив аттестат зрелости, молодые люди поступают в университеты или институты, но тогда многие приятели Бориса стали водителями бандитов, и почти все из них погибли. В фильме есть невероятная сцена, снятая на кладбище Екатеринбурга среди могил его школьных друзей – мне это напомнило друзей Пушкина по Царскосельскому музею. Борис Рыжий видел, как его друзья погибали один за другим. Думаю, что комплекс вины выжившего был одной из причин, по которой он совершил самоубийство: он был жив, а другие погибли. Подобное испытывали выжившие узники концлагерей. На кладбище Екатеринбурга можно увидеть надгробные камни, на которых молодые люди изображены в полный рост рядом с мерседесами, ключами от автомобиля и мобильными телефонами в руках – символами успеха в ельцинской России. У Бориса Рыжего была чувствительность молодого человека, живущего в переломный исторический момент, когда один мир исчез, а друзей больше нет. Это очень трогает, и я буду его переводить.

Многие поэты кончают жизнь самоубийством...

С поэтами такое случается... Знаете, я часто переводил ушедших из жизни поэтов. Когда вы их переводите, у вас возникает глубокая эмоциональная связь с ними, как будто с кем-то, кого вы любите и с кем вы дружите. И вам хочется, причем не из нескромного любопытства, узнать, где они жили, что читали и писали в письмах. Даже если они умерли, они становятся вашими новыми друзьями, которых вы хотите представить другим. Перевод – это, в каком-то смысле, способ познакомиться с неизвестными друзьями (смеется).

В мае и июне состоится серия встреч, мастер-классов и лекций с участием Жана-Батиста Пара. С полной программой можно ознакомиться на сайте [Лозаннского университета](#).

[литература](#)

[памятники культуры](#)

[достопримечательности швейцарии](#)

<https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/zhan-batist-para-ya-starayus-borot-sya-s-rusofobiey>